

2. Этно-демографическая ситуация

Неравномерность экологической нагрузки и социального положения накладывала отпечаток на этно-национальную и демографическую ситуацию в стране. Относительный баланс национальных культур и территориальных комплексов был нарушен индустриальной системой, но и плоды ее существования распределялись крайне неравномерно. Среднемесячная зарплата в СССР в 1980 г. составила 168,9 рублей, в РСФСР — 177,7, в Эстонии — 188,7. В Грузии, Азербайджане, Таджикистане, Белоруссии, Молдове зарплата составила в среднем 138—150 рублей³⁶.

Эти показатели свидетельствовали о существенных структурных различиях республик Союза. Несмотря на все попытки экономической унификации СССР и консолидации всех граждан в единый «советский народ», своего рода «сверхнацию», Союз по прежнему представлял собою разнородное образование, в котором существовала индустриальная цивилизация в европейской и североазиатской частях страны, и среднеазиатские общества, только-только выходящие из классического доиндустриального состояния. Разные стадии развития проходили народы, расположенные вокруг Кавказского хребта.

«Широко распространенные, если не господствующие и постоянно воспроизводимые в рамках однородной этнической общности местные традиции, трудовые навыки, общественные и семейные отношения, исторический опыт, психология, мораль, бытовая культура, образ жизни, ее темп и тысячи других факторов образуют единственную, уникальную в своем роде этно-социально-психологическую среду, в значительной степени предопределяющую поведение экономических субъектов... — считает А.Илларионов. — Многообразие моделей хозяйственной жизни в республиках и невозможность их однозначного экономического истолкования свидетельствует о наличии в каждой из них особого, по своему уникального, исключительного хозяйственного механизма, связанного с традициями. Этот механизм оказывает более сильное воздействие на уровень и динамику экономических параметров республики, чем общесоюзный экономический механизм. Очевидно, что в стране не существует единого экономического механизма, точнее: он не играет ведущей роли, а в ней функционируют несколько национальных моделей экономического механизма. Республики развиваются в большой степени каждая по своим экономическим законам, с существенной автономией от хозяйственной политики центральных государственных органов»³⁷. Несомненно, этносоциальный климат играет важную роль в экономическом развитии, но все же его роль в описании А.Илларионова выглядит преувеличенной. Во всяком случае, он не привел достаточных доказательств того, что этнические факторы «предопределяли» поведение экономических субъектов в большей степени, чем общесоюзный экономический механизм. Еще сомнительнее тезис о том, что каждая республика СССР развивалась по своим экономическим законам (речь идет о 60-х — 80-х гг.). Сама степень воздействия этносоциальных факторов, перечисленных А.Илларионовым, на социально-экономическое развитие зависела от стадии общественного развития, на которой находилась та или иная республика. Можно выделить не пятнадцать, а четыре группы республик, в

которых экономические модели существенно различались (более дробные различия, конечно же, существовали и между республиками одной группы, но подобные различия можно без труда найти и внутри одной республики):

1. Прибалтика (*индустриальное общество с относительно недавним капиталистическим прошлым*);

2. Россия, Украина, Белоруссия (*индустриальное общество, несколько поколений развивающееся по «социалистическому» пути*);

3. Закавказье и Молдавия (*индустриально-аграрное общество, переходящее к индустриальному*);

4. Средняя Азия, включая Казахстан (*аграрно-индустриальные общества с преобладанием традиционных отношений*).

Если во второй группе стран преобладал общесоюзный экономический механизм, присутствовавший и в других группах республик, то в четвертой группе можно говорить о преобладающем влиянии местного этносоциального климата.

Тесная взаимосвязь национальных и социально-экономических факторов особенно заметна на стыках культур. В Ташкенте «все товары и продукты продают только узбекам через черный ход», — писали в «Правду» русскоязычные читатели³⁸. Национальный социум давно установил свои цены на продукты. Узбекская элита была готова платить по ценам «черного хода». Русских «на всякий случай» в эту систему не пускали — они могли стать «троянским конем» следственных органов. Перебои с поставками продуктов в Баку в 1978 г. тут же вызвали рост цен на «черном рынке». Развитый теневой рынок откачивал дефицит из государственных магазинов: «Ставшие дефицитными товары продаются ящиками “налево”, — сигнализировали читатели «Правды»³⁹. Для выходцев из России казалось недопустимым, что «социалистическая» модель лишь наложилась на традиционные экономические отношения, которые продолжали определять ход социально-экономических процессов.

Несмотря на перекачку средств из России, Белоруссии и Прибалтики в Казахстан, Среднюю Азию и Закавказье, достигавшую 2% совокупного использованного национального продукта СССР, 2,5% продукта России и 11% продукта Латвии, разрыв в темпах экономического роста республик СССР возрастал. Средняя Азия все сильнее отставала от других регионов. Если душевой национальный доход Белоруссии (к слову сказать, направлявшей 8% своего продукта в пользу других республик) вырос в 1971—1986 г. на 45%, то в Казахстане, получавшем 11% своего национального продукта из других республик, этот рост составил всего 7%⁴⁰. Механизмы «донорства» со стороны собратьев по СССР были разнообразными. В значительной степени перекачка средств осуществлялась централизованно — на «развитие». Но в Закавказье действовали и другие факторы, о которых пишет А.Илларонов: «существенная инъекция из республиканских средств в экономику Грузии связана в значительной степени с расположением на ее территории многих курортов всесоюзного значения и с высокой дифференциальной и монопольной рентой, которую обеспечивает реализация выращенной в Грузии субтропической и другой сельскохозяйственной продукции на рынках

других регионов страны»⁴¹. Такая децентрализованная модель перекачки средств обеспечила республикам Закавказья высокие темпы развития, в то время как помощь республикам Средней Азии оказывала на них угнетающее воздействие и оседала в тех самых централизованных каналах, через которые поступала. Важнейшим результатом такой помощи стало резкое имущественное расслоение населения, обратно пропорциональное темпам экономического роста. В России, Белоруссии, Украине и Прибалтике на 10% вкладчиков сберкасс приходилось 11—15% вкладов, что свидетельствует о минимальном легальном социальном расслоении. В Грузии, Армении, Казахстане, Молдавии те же 10% контролировали 20—22% вкладов, а в Азербайджане и Средней Азии — 33—55%⁴². Речь идет именно о легализованном капитале, причем наибольший показатель приходится на Туркмению, которая не подверглась серьезному удару в ходе кампании по борьбе с коррупцией и «нетрудовыми» доходами.

Стадиальная разнородность народов СССР определяла и демографический дисбаланс — раннеиндустриальные общества, как и в других частях света, переживали состояние демографического взрыва, а развитые индустриальные — замедление темпов рождаемости. Естественный годовой прирост населения в республиках СССР составил в 1980 г.: в России — 0,49%, в Белоруссии, Украине, Литве, Эстонии, Латвии — от 0,14% до 0,61%. В Казахстане, Грузии, Армении, Азербайджане, Молдове — от 0,8% до 2%, в Узбекистане, Киргизстане, Туркменистане и Таджикистане — от 2 до 2,9%⁴³. В 1989 г. средний размер семьи составил в СССР 3,5 человек. При этом в России, Украине, Белоруссии, Литве, Молдове, Латвии и Эстонии этот показатель оказался ниже, а в остальных республиках — выше. Наибольший показатель — 6,1 человек, был зафиксирован в Таджикистане⁴⁴. Снижение рождаемости в европейских республиках началось в 60-е гг., в то время как в республиках Средней Азии и Закавказья (кроме Грузии) рождаемость оставалась высокой⁴⁵.

Численность населения росла неравномерно, что не могло не вести к росту напряженности между представителями различных культур, особенно находящихся на разных стадиях развития. За 30 лет (1959—1989) при общем росте населения СССР на 37,3%, численность узбеков, туркмен, киргизов и др. увеличилась втрое, казахов, азербайджанцев, аварцев, чеченцев, ингушей, лезгин, тувинцев и др. — вдвое, кабардинцев, цыган и др. — на 75—100%, армян, молдован, адыгейцев, калмыков, малочисленных народов Севера, гагаузов, абхазов, балкарцев, черкесов и др. — на 50—75%. Выше общесоюзных оставался рост численности грузин, осетин, татар и др. Несмотря на то, что темпы роста численности русских были ниже, чем среднесоюзный рост населения (27,1%), они значительно превышали темпы роста коренного населения Латвии и Эстонии (но не Литвы)⁴⁶. Большая часть перечисленных народов в 80—90-е гг. будет участвовать в острых этнических конфликтах. Но некоторые из этносов, чья численность резко выросла, от этого воздержались. Закономерность животного мира, в соответствии с которой при росте численности популяций обостряется и борьба за территорию, в человеческом обществе соблюдается далеко не всегда.

Многое зависит здесь от стадии развития общества и субъективных факторов — прежде всего способности и желания лидеров национальных движений достигать компромисса или «разыгрывать национальную карту».

Демографические и социальные дисбалансы приводили к тому, что единый комплекс «советского народа» все более явно стал давать трещины. Попытки культурной унификации, разрушавшие национальную культуру, вызывали сопротивление людей, ощущавших свою принадлежность к этнической общности. СССР начал проходить фазу своего рода вторичного этногенеза, когда часть населения стала все более ясно осознавать важность своей принадлежности к конкретной этнокультуре, в то время как другая часть по-прежнему отождествляла себя с понятием «советский человек». Любопытно, что аналогичный процесс проходил начиная с 60-х гг. в США, когда все большая часть американцев различного происхождения стала ощущать себя китайцами, ирландцами, евреями и т.д.

Возрождение национального сознания особенно бурно шло в «национальных республиках», где этносы, в честь которых эти республики были названы («титulyные» нации), имели некоторые привилегии при использовании национального языка и назначении руководящих кадров. Сами по себе эти привилегии приводили к переходу социальных противоречий между руководством и населением в этническую плоскость — политика, прежде всего культурная, проводилась в интересах прежде всего той этнической или клановой группы, которая «стояла у власти». Стали все четче намечаться противоречия «коренного» и «некоренного» населения, правящих и «оппозиционных» кланов. При этом нельзя забывать, что большинство народов не имели «своих» республик, и «титulyные» кланы стремились к ассимиляции этих «меньшинств» для облегчения управляемости и укрепления монолитности своих стран.

В то время как большинство стран СССР «сверху» и «снизу» обеспечивало значительный рост процента «титulyного» народа, доля коренного населения в 1959—1989 гг. сокращалась в славянских республиках, Прибалтике и Молдове⁴⁷.

Некоторые народы были не только лишены «своих» республик, но и выселялись в 40-е гг. с мест проживания. Большая часть из них была в 50-е гг. возвращена назад. Но поволжские немцы и крымские татары остались репрессированными — они не получили возможности вернуться из Средней Азии и других регионов в места, где жили до 1944 г. В 70-е гг. усилилось движение крымских татар за возвращение в Крым. Они покупали здесь дома и пытались прописаться. Но эта иммиграция вызывала дополнительную головную боль у властей в непосредственной близости от важнейших государственных дач. Было решено не уступать татарам. Их выселяли из купленных домов, некоторые дома сносили. Иногда выселения встречали сопротивление не только со стороны татар, но и русских и украинцев⁴⁸.

Национальная консолидация становилась важным фактором социальной жизни СССР, и региональные кланы элиты уже задумывались о возможности использовать «национальное возрождение» в целях борьбы против центра. Впрочем, некоторые из будущих оппозиционных национальных ком-

партий ведут себя очень осторожно. Так, по степени апологетичности отзывов на проект Конституции 1977 г. компартия Эстонии уступает разве что компартии Туркмении⁴⁹.

Однако нельзя сказать, что национальные чувства культивировались исключительно правящей элитой. Национально-государственное устройство страны было сформировано под влиянием конкретных политических обстоятельств и интересов 20—30-х гг. и не отличалось последовательностью. Это вызывало большие неудобства, а иногда — и прямое национальное угнетение, когда полновластное руководство и подчиненное население принадлежали к народам с различными культурными стереотипами. Известный пример — Нагорно-карабахская автономная область (НКАО). Большинство населения автономии было армянским, но руководство назначалось из Баку. Периодически это вызывало конфликты, иногда — массовые (последние — в 1965 г.). Интеллигенция Армении при каждом удобном случае напоминала властям о нагорно-карабахском вопросе. Так, во время обсуждения Конституции 1977 г. на партийных собраниях в учреждениях науки и культуры Армении обсуждалась возможность переименования НКАО в «Армянскую НКАО» или даже передачи ее Армении. Армянские коммунисты показывали нелогичность положения, при котором исходя из экономических соображений НКАО была передана Азербайджану, в то время как отделенная от Азербайджана полосой армянской земли Нахичеванская АО также осталась в составе этой республики. Армяне настаивали на передаче Армянской ССР или НКАО, или Нахичевани⁵⁰. Армянские коммунисты выдвинули 16 предложений о переименовании НКАО и 45 предложений о ее праве перейти в состав Армянской ССР⁵¹. Возможно, советское руководство могло бы внять этим тревожным предупреждениям и пересмотреть решения 20-х гг. Но это не соответствовало принципам брежневской политики, при которой изменения проводились лишь в направлении интеграции народов. Такая линия тоже не могла не приводить к росту напряженности.

Всякое ущемление возможностей пользоваться достижениями национальной культуры могло вызвать вспышки массового недовольства. Эти противоречия вызвали в конце 70-х — начале 80-х гг. волну национальных выступлений. В 1978 г. в рамках конституционного строительства, последовавшего за принятием Конституции СССР 1977 г., было объявлено о предстоящем изменении Конституции Грузии. Руководители республики в согласии с Москвой решили отменить государственный статус грузинского языка. Это должно было укрепить позиции русского языка и, как казалось, снять трения с национальными меньшинствами Грузии, имевшими свои автономии. Новая конституция не упоминала о государственном статусе грузинского языка: «Грузинская ССР обеспечивает свободное употребление грузинского, а также русского, абхазского, осетинского и других языков большинства населения в данной местности», гласила ст. 73⁵². Накануне принятия Конституции по поручению ЦК КПГ его заведомо С.Хабешвили обратился в ЦК КПСС с просьбой включить в текст Конституции дополнение, разъясняющее новацию: «Проявляя государственную заботу о развитии родного языка и изучению русского языка, как средства межна-

ционального общения, Грузинская ССР какие-либо языковые привилегии или ограничения не допускает». «Предлагаемая нами формулировка, — комментировал Хабеишвили, — поможет партийным организациям вести пропаганду 73-й статьи так, чтобы помочь всем гражданам республики в правильном понимании того, почему отпадает необходимость государственного языка»⁵³. Просьба «грузинских товарищей» была удовлетворена, но жители Тбилиси все равно не поняли нововведение «правильно».

По инициативе студентов университета в день обсуждения конституции в Верховном совете многотысячная демонстрация пришла в центр Тбилиси. Под ее давлением депутаты были вынуждены оставить статью о языке без изменений⁵⁴. «В руководстве республики, кстати сказать, в эти минуты нашлись люди, — вспоминает С.Хабеишвили, — которые возмущались и кричали: “Где армия?” Все это проходило хотя и в кабинетах, но при свидетелях, в том числе и из Москвы»⁵⁵. Однако и эмиссары Москвы, и руководство республики были полны решимости не допустить кровопролития. После этой демонстрации был всего один арестованный А.Имнадзе, снявший демонстрацию на пленку. Реальные организаторы демонстрации из Тбилисского университета не репрессировались. По мнению Л.Алексеевой, «видимо, защитило молодых энтузиастов общее сочувствие (а, возможно, и номенклатурность их родителей)». (Одна из лидеров выступления Т.Чхеидзе была дочерью директора киностудии «Грузия-фильм»)»⁵⁶. Массовые выступления интеллигенции в защиту грузинской культуры происходили и в 1981 г. Но эти выступления и сохранение гегемонии грузинского языка усилили недоверие к грузинам национальных меньшинств республики.

В 1981 г. произошла также так называемая «октябрьская революция» 24—26 октября в Орджоникидзе, когда убийство шофера-осетина вызвало массовые волнения осетин. Это было не первое убийство и не первая демонстрация подобного рода. Похоронная демонстрация принесла гроб убитого к обкому партии. Возмущенные люди требовали выхода руководства. На площадь вышел первый секретарь Североосетинского обкома Б.Кабалоев. Но он не нашел ничего лучше, как назвать собравшихся собранием, после чего потребовал разойтись и ушел. Через некоторое время митингующие ворвались в обком и заставили Кабалоева по спецсвязи позвонить в Москву. Кабалоев обещал на следующий день прийти на площадь с утра и вместе с народом разобраться в происшедшем. Вечером руководство попыталось очистить обком от митингующих. В обком были введены курсанты высшего военного командного училища МВД и стали выгонять бродящих по коридорам посторонних. Те оказали сопротивление, и в обкоме завязалась рукопашная схватка. В здании был учинен погром. Выйдя из обкома «на оперативный простор», курсанты напали на митингующих. Стороны забрасывали друг друга камнями. В итоге площадь осталась за курсантами. Часть «зачинщиков» была арестована.

25 октября приехала комиссия во главе с М.Соломенцевым и Ю.Чурбановым. Был организован митинг. После официальных ораторов под давлением собравшихся к микрофону были допущены люди «из тол-

пы», которые обличали разгул преступности ингушей. Постепенно митингующие вытеснили начальство с трибуны. Тогда во второй половине дня, после требования разойтись, митингующие были атакованы войсками с бронетранспортерами. Толпа сопротивлялась, митингующие залезли на боевые машины. В центральных районах города развернулась городская герилья, в которой осетины использовали палки, камни, бутылки с зажигательной смесью. Повстанцев забрасывали шашками со слезоточивым газом. Часть наиболее радикальных демонстрантов атаковали тюрьму и двинулись на ингушский район, но были остановлены войсками. В городе прошла серия грабежей.

26 октября в городе началась всеобщая забастовка, столкновения продолжались с нарастающим ожесточением. Колонна военных была остановлена у гостиницы Владикавказ и не смогла продвинуться дальше. Население активно поддерживало бунтарей. Из обкома был пущен слух, что принято решение применить огнестрельное оружие. После этого беспорядки пошли на спад. К тому же многие участники событий уже были арестованы.

Начавшись как антиингушские, эти волнения, в которых приняло участие около 4500 человек, быстро переросли в выступление против власти. Решающую роль в политизации движения играли студенты. Волнения в Орджоникидзе были подавлены с помощью войск, но без применения огнестрельного оружия. Было осуждено 26 человек⁵⁷.

Надо сказать, что сигналы об убийствах на национальной почве в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии поступали в редакции центральных газет еще в 1978—1979 гг.: «Жил я во многих селах и городах нашей республики, — писал студент Грозненского университета, — и имею уже довольно четкое представление о ней. Начну с того, что, по всей видимости, нигде в СССР русского не убьют только за то, что он русский. Все прелести нашей жизни я описывать не стану, но я начинаю терять счет своим убитым друзьям»⁵⁸.

После восстания 1981 г. в Орджоникидзе центральные органы КПСС постарались разобраться в ситуации, сложившейся на Северном Кавказе, прежде всего в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Процесс проверок затянулся на несколько лет.

Срез социальной ситуации здесь был «неутешителен». В 1984—1986 гг. в Северной Осетии было зафиксировано более 100 «националистических проявлений»: убийства и избиения осетинами и ингушами друг друга, осквернения кладбищ, хулиганские акты в отношении некоренной интеллигенции. Количество русских учителей в республике сократилось почти на 300 человек. В Северной Осетии, по свидетельству комиссии ЦК КПСС, местные осетинские власти проявляли «невнимательное отношение к населенным пунктам, где преимущественно живут ингуши и кумыки. В этих селах хуже развита материальная база учреждений культуры, народного образования, сферы обслуживания»⁵⁹.

Из 400 опрошенных в 1986 г. студентов Чечено-ингушского университета почти 80% соблюдали религиозные обряды и праздники, треть считала себя верующими (скорее всего — больше, остальные не хотели рисковать

комсомольским билетом)⁶⁰. В Чечено-Ингушетии власти поддерживали мусульманство, выделяли автотранспорт паломникам, прибегали к помощи религиозных авторитетов в самых разных случаях, например — при мобилизации населения на субботники. Более половины браков ингушей проводилось по шариату, а не в соответствии с законом. В год появлялось более 4000 детей, законных с точки зрения шариата, но не государственного права. В 1982—1986 гг. в Чечено-Ингушетии было похищено и выдано замуж более 100 учениц 7—9 классов. Свыше 60 тейповых групп находилось в состоянии кровной вражды. За два года эта вражда вызвала 3 убийства. Большинство преступлений совершалось с применением боевого огнестрельного оружия⁶¹. Горные районы продолжали жить по своим законам, воспринимая СССР как Российскую империю — неизбежное (пока) зло, чуждую цивилизацию.

Экономической основой местных цивилизаций было сельское хозяйство, в котором господствовали отношения конца XIX века. Широко использовался наемный труд. В Ачхой-Мартановском, Сунжинском и Шалинском районах было обнаружено 65 батраков — бомжей из России и Украины. Для ухода за хозяйством в 500 овец, 27 голов крупного рогатого скота и 29 лошадей хватало усилий большой патриархальной семьи и трех батраков. Понятно, что колхозная система в таких условиях была фикцией. Широко были распространены хищения государственной техники⁶².

Индустриальный сектор существовал в основном за счет труда русских. Коренное население составляло 62% трудоспособных граждан. В промышленном производстве оно составляло только треть занятых, зато в торговле — 70%. Вне «общественного сектора» было только по официальным данным занято 25% трудоспособного населения Чечено-Ингушетии и 13% Северной Осетии⁶³. Таким образом, социальная структура двух кавказских республик (а фактически — всего Северного Кавказа) отличалась минимальным развитием индустриальных отношений. По существу это были типичные колониальные страны. Опыт Азии и Африки показывает, что по мере того, как чуждые местной цивилизации индустриальные отношения разлагают традиционный уклад, накапливаются маргинальные (деклассированные, покинувшие привычную социально-психологическую среду) слои, и общество становится склонным к взрыву — национальной революции. В таких странах, как Алжир или Вьетнам, такие революции разразились в 40—50-е гг. На Кавказе — в 80—90-е. Но КПСС не могла рассматривать союзные и автономные республики через призму колониальной модели. Оставалось лишь принимать грозные постановления «о преодолении недостатков».

В Прибалтике, социальная структура которой не отставала от русской, цивилизационный конфликт был еще более очевиден. Положение в Прибалтике демонстрирует нам модель ситуации, которая затем стала проявляться практически во всех частях СССР, включая саму Россию.

Характеризуя проблемы, с которыми столкнулась, например, Латвия, И.Кудрявцев писал: «При открытии новых предприятий министерства предпочитают завозить рабочую силу извне республики. И вот теперь в

Латвии около 50% населения — не латыши. Соответствующая доля на промышленных предприятиях — до 90%... Московские министерства, конечно же, совершенно не волнует, чем дымят в Латвии их заводы и что они спускают в далекое Балтийское море... Одни проблемы рождают другие. Приток новых людей снижает уровень социальной обеспеченности республики... Далее, возникает национально-экономическо-культурный дисбаланс между преимущественно русскоязычным персоналом промышленных предприятий и работающими в сельском хозяйстве и сфере услуг латышами. Раздельный труд еще больше противопоставляет нации.

Сами приезжие — люди часто случайные. В любом случае они не образуют сплоченной общности... До сих пор русский, попадая в Прибалтику, изо всех сил старался не замечать разницы между собой и местным населением.

Русский человек ведет себя как “гостеприимный гость”, который вполне чистосердечно и доброжелательно (безо всяких подвохов) говорит хозяину: “Будь здесь как дома!”... Поэтому когда латыши отвечают русским агрессией, это вызывает у последних полнейшее недоумение. И ответную реакцию...

Если русские осознают причину своей реакции, то латышам понять ее труднее... Просто они замечают, что все идет к тому, что их нация размоется и перестанет существовать. Они не могут понять, как и почему это происходит, и не видя источника опасности, но чувствуя саму опасность, они становятся агрессивными по отношению к русским, так как все беды начались с их появлением.

Действительно, латыши долгое время находились под господством немцев, относившихся к “коренным нациям” гораздо менее дружелюбно, чем русские. И тем не менее за это время нация сумела сохранить себя. Сейчас же дело идет к тому, что нация исчезнет в считанные десятилетия...

Важно уяснить, что простым улучшением сложившихся отношений здесь не обойдешься...

Россия (имеется в виду Российская империя как предшественник СССР — *А.Ш.*)... образовалась склеиванием воедино разных народов и культур. Но при этом для длительного существования такого государства недостаточно только экономических, политических, административных связей. Требуется еще и культурная общность наций. Если таковой нет, то для создания ее нужен своеобразный культурный агент. Я бы сказал, нужен клей, которым разнообразные национальные культуры склеиваются в одну, единую. Важное свойство хорошего клея — его способность въедаться в склеиваемые вещества, растворяя их.

Так вот, в качестве такого клея была использована культура русского народа»⁶⁴.

«Эффект клея» наносил чувствительный удар и по развитию русской культуры: «Но такое использование предполагает развитие следующих двух свойств:

— Безликость. Только по-настоящему безликая культура-клей сможет быстро внедриться в другую. Лишь она сумеет проникнуть в совершенно разные по характеру культуры.

— Единство в однородности. Если клей не един сам по себе, он не соединит склеиваемые предметы. Клей должен уметь клеить самого себя»⁶⁵.

Нужды имперской политики разрушали и русскую культуру, лишая ее региональных особенностей, превращая ее в однородную безликую, максимально космополитичную советскую культуру. Русский язык становился доминирующим в культурном пространстве СССР, но на базе этого языка и этой культуры формировалась, по существу, новая нация — «советский народ» — с территориальной и во многом культурной целостностью, основанной на тесной связи не только русских, но трех славянских народов — русского, украинского и белорусского. Часть населения СССР была готова интегрироваться в эту новую нацию и безболезненно растворялась в ней. Для другой части это была трагедия, потеря национального микроклимата, вызывавшая психологический дискомфорт и ассоциировавшаяся со всеми бедами от экологических до социальных (ведь в условиях существовавшей системы беды действительно исходили из столицы России). Это разделение привело к противоречивым процессам этногенеза, когда формирование советской нации сопровождалось усилением национальной консолидации населения «республик», существовавших в составе СССР чисто формально. Каждый человек выбирал сам, кто он в большей степени — носитель советской или национальной культуры. И это самоопределение не было непосредственно связано с идеологическим выбором. Человек мог быть недоволен политикой КПСС и критиковать местное руководство за национализм, а мог из-за недовольства проводимой политикой стать националистом сам.

Этно-демографические процессы, о которых говорилось выше, постепенно вели к ослаблению и изменению состава «клея». За пределами России в 1959—1969 гг. проживал 31% русских, в 1970—1978 гг. — 12%, а в 1979—1988 — всего 6%⁶⁶. Авторы исследования «Население России. 1993 г.» констатируют: «отток русского (русскоязычного) населения из большинства республик бывшего Союза начался задолго до “перестройки” и быстро нарастал. В 1979—1988 гг. он охватил большинство республик, а в тех из них, куда продолжалась эмиграция, ее темпы быстро замедлились. Численность русских сокращалась уже во всех республиках Средней Азии и в Армении. Но на Украину, в Беларусь, в Прибалтику и Молдову их эмиграция еще продолжалась. Заметим, что в противоположность русским, украинцы и белорусы в 1979—1989 гг. еще интенсивно переселялись почти во все республики... В большинстве республик вытеснение русских до недавнего времени сопровождалось оттоком в Россию коренного населения из большинства бывших республик, кроме Прибалтийских, например: численность молдаван в РСФСР увеличилась за 1979—1988 гг. на 69% против 10,5% в своей республике, грузин и армян — на 46% (в своих республиках — на 10,3 и 13,2%), азербайджанцев — в 2,2 раза (24%), узбеков и туркмен — в 1,8 раза (34%), киргизов — в 2,9 раза (33%), таджиков — в 2,1 раза (46%)»⁶⁷. Формировались две этнические общности — «русскоязычное население» вне «славянских» республик и «южане» в России.

В обеих ситуациях наличие компактных инонациональных общностей вызывало трения, выливающиеся в притеснения и столкновения. Так, на-

пример, 7 октября 1981 г. произошли столкновения в г. Удомля между строителями Калининской АЭС — русскими и азербайджанцами. Азербайджанцы избили русских, но затем получили отпор. Тогда они «мобилизовали» солдат-азербайджанцев соседнего стройбата. Около 30 солдат устроили погром в общежитии строителей, ранив 10 рабочих. В столкновении было ранено и 4 солдата — рабочие сопротивлялись⁶⁸.

Читательница «Правды» Л.Мельникова писала в главную газету страны: «У нас в Арыси русских третируют, как хотят. За помощью, за бедой лучше ни к кому не обращаться, пожалуешься — себе хуже сделаешь. Все более — менее ответственные посты в руках казахов. Даже милиционеры открыто нам говорят: «Зачем приехали в Казахстан, возвращайтесь в свою Россию»⁶⁹. Это письмо, конечно, не было опубликовано, но оно было наряду с другими доложено в секретариат ЦК. Понятно, что такая «дружба народов» приводила к постепенному оттоку русскоязычного населения из республик, в которые они были заброшены «великим переселением народов» 30-х—60-х гг.

Постепенное нарастание национальной дезинтеграции, ослабление миграции русских в республики заставляли высшее руководство обращаться к традиционной для Российской империи политике русификации. В связи с принятием новых республиканских конституций в 1978 г. усилилось наступление на республиканские языки. Пропагандировалась идея «взаимообогащения культур», которая, по замечанию А.Авторханова, «сводится к массовому засорению национальных языков русскими словами»⁷⁰. Русификация затронула и историческую доктрину, внедряемую в сознание через систему просвещения. А.Авторханов так характеризовал основные принципы этой доктрины: «первый принцип — все нерусские народы присоединились к царской империи якобы сами, добровольно; второй принцип — все национально-освободительные движения, противодействовавшие этому, были реакционными движениями; третий принцип — включение этих народов в состав старой царской империи было исторически прогрессивным актом для них»⁷¹.

Итак, основными полюсами этнических противоречий становились:

- русскоязычное — коренное население;
- русские — «южане» (позднее — «лица кавказской национальности») в славянских республиках;
- «титульная нация» — остальные народы (при этом следует учитывать, что «титульные» нации были еще и в автономных республиках, входивших в союзные, что порождало новое поле напряженности).

Ситуация усугублялась тем, что разные этносы СССР находились на разном уровне общественного развития, что предопределяло значительную неравномерность демографических, а позднее и социально-политических процессов в СССР.

В конце 70-х-начале 80-х гг. усилились дезинтеграционные тенденции в СССР, которые правительство пыталось компенсировать политикой русификации, лишь обострявшей кризис.